

Голоса смешались, и было трудно разобрать, кто что говорит, но хозяин уловил суть.

— О, тогда... ээ... ладно, завтра, завтра зайдете, тоже сойдет, — хозяин неловко втянул голову обратно, мысленно сокрушаясь, как трудно ведется мелкий бизнес.

Цзян Иньюй перевел взгляд на Ань Шэна и обнаружил, что тот тоже смотрит на него. Они встретились взглядами на мгновение, и вдруг Ань Шэн рассмеялся. Почувствовав, что это как-то не к месту, он отвернулся, но продолжал хихикать.

— Да ты чего, — Цзян Иньюй тоже не удержался и рассмеялся. — Ты чего ржешь-то?!

Он не понимал, над чем смеется Ань Шэн, и не знал, над чем смеется сам, просто глядя на смеющегося Ань Шэна, он не мог сдержаться и начал хохотать вместе с ним. Смех отдавался болью в лице и в животе, дергающей и пронзительной.

Они смеялись все громче, пока Ань Шэн не схватился за живот, словно не мог дышать, и только тогда эта битва смеха неуклюже закончилась.

— Я сейчас помру со смеху, — Ань Шэн потер живот, щеки свело от смеха. — Насчет удлинённого «Роллс-Ройса», ты что, на таких ездешь?

Цзян Иньюй тоже перевел дух, подавив смех, и снова принял вид человека, не знающего Ань Шэна:

— Тебя какое дело.

Ань Шэн сдался, беспомощно подняв руки над головой:

— Да ладно, ладно, полезай скорее, а то на экзамен опоздаешь, чего тогда будем делать.

На самом деле время было еще не позднее, но нога у Цзян Иньюя плохо сгибалась, и если он будет так медленно прыгать дальше, неизвестно когда доберется.

Цзян Иньюй повернулся и продолжил идти:

— Меня вчера только что избили, не хочу ехать на велике того человека.

Видя упрямство Цзян Иньюя, Ань Шэн прокрутил педали пару раз и положил руки на руль.

— Эй! Да ты чего! Тебе совесть не позволяет так говорить? Кто вчера первым начал... Ладно, извиняюсь, хорошо? Ты чего такой злопамятный-то! — Ань Шэн повернул голову и посмотрел на Цзян Иньюя, который смотрел вперед. — Ты меня вчера тоже же отделал, так что мы в расчете, ладно?

В расчете?

Цзян Иньюй остановился и бросил на него взгляд, и когда Ань Шэн подумал, что он что-то скажет, тот просто повернул голову и пошел дальше.

— Да ты... Ты что, мужик или нет? — крикнул Ань Шэн и снова крутанул педали. — Смотри! Насчет вчерашнего... Собственно, мы оба неправы. Я знаю, что у тебя настроение паршивое, но на бабушке срываться нельзя, понял? Я же с тобой разумно говорю!

Ань Шэн сказал половину и, глядя на спину Цзян Иньюя, крикнул, видя, что тот наконец

остановился, и продолжил:

— Бабушка для меня — человек особенный, без нее меня бы не было. Ты не понимаешь, что она для меня значит, это нормально, но я хочу сказать: кто осмелится обидеть бабушку, я хоть жизни лишусь, но этого человека убью.

— Тогда убей меня, — Цзян Иньюй повернулся и посмотрел на Ань Шэна.

Ань Шэн промолчал, и они так смотрели друг на друга, пока живот Цзян Иньюя не прорычал, отчего оба застыли в замешательстве.

— ... В прошлый раз та лепешка ничего была, — вдруг произнес Цзян Иньюй.

Ань Шэн замер, лепешка? Какая лепешка?

Сообразив, Ань Шэн скалился и рассмеялся:

— А, та! Залезай, отвезу тебя за лепешкой.

Ань Шэн быстро подхватил эту возможность и сгладил углы, а Цзян Иньюй больше ничего не сказал и, прихрамывая, сел на велосипед.

— Вчера прости, — вдруг сказал Ань Шэн и протянул руку, погладив Цзян Иньюя по голове. — На экзамен не повлияет?

— ...

Цзян Иньюй сбил его руку, но сердце екнуло.

— Не знаю, если я сдам плохо, это будет из-за того, что ты меня избил.

— Да ты что, — Ань Шэн улыбнулся и спросил. — Кстати, что с ногой-то? Я тебе вчера ее не прихватил?

Цзян Иньюй вспомнил, как пинал дверь и сломал шлепанец, и стало немного стыдно и неловко.

— Слушай, я человек страшно злопамятный, — Цзян Иньюй помолчал немного и вдруг сказал.

Ань Шэн подхватил:

— А я не злопамятный, к тому же память у меня дырявая, что бы вчера ни случилось и как бы я ни злился, на следующий день живу по-прежнему.

Действительно, как и говорила бабушка, до чего же толстокожий надо быть.

Цзян Иньюй потряс той ногой:

— Хочу сказать: все, что ты вчера мне наговорил, я помню.

— ...

Ань Шэн не нашелся, что ответить, и просто начал крутить педали.

Когда приехали в школу, было еще рановато. Они зашли в аудиторию, и Цзян Иньюй, увидев

список мест на двери, понял, что в одной аудитории сидят почти все из одного класса.

— В этом какой смысл? — Цзян Иньюй смотрел на бумагу, явно не понимая.

Ань Шэн, сидя сзади Цзян Иньюя, положил сумку и увидел, как тот достает пакет с семечками и начинает их щелкать.

— Классов у нас и так немного, зачем так делить? Да и кабинетов не так много, куда деваться, приходится тиснуться, — Ань Шэн протянул руку и тоже взял несколько семечек. — К тому же, все знакомые, разве не удобнее?

Цзян Иньюй перенес семечки на парту Ань Шэна и продолжил щелкать:

— Чем удобнее?

Движения Ань Шэна затормозились, он забыл, что Цзян Иньюй — отличник.

— Хе-хе, — Ань Шэн вдруг хихикнул с каким-то хитрым выражением лица. — Ну, там подстрахуй немного, ладно?

...

Когда Чжао Вэнь пришел в класс, до экзамена оставалось совсем немного времени. Учитель уже стоял на кафедре, разбирая экзаменационные листы, а Цзян Иньюй с Ань Шэном все еще щелкали семечки.

Он, к своему удивлению, опустил рукава школьной формы странными жестами и подошел к ним, взяв одну семечку и разглядывая ее.

— Вы чего там такое творите? — спросил Чжао Вэнь. — Экзамен вот-вот начнется, а вы семечки щелкаете, у вас перегибов нет?.. Эй, постойте, вы-то почему все в синяках, что случилось?

Ань Шэн в этот момент перестал щелкать, похлопал руки и достал ручку.

— Он говорит, что после семечек у него каналы жэнь и ду открываются, — Ань Шэн уклонился от ответа на вторую часть вопроса.

Услышав это, лицо Чжао Вэня сморщилось, чего еще? Семечки открывают каналы жэнь и ду?

— Чушь собачья! — Чжао Вэнь явно не поверил, это же полный бред. — Ань, а шпаргалки где? Дай глянуть.

Ань Шэн ответил:

— Не, извини, сегодня утром китайский, мне это не понадобится.

Китайский язык... набрать сто с лишним баллов и хватит, максимум все равно не получишь, зачем напрягаться.

Цзян Иньюй посмотрел на Ань Шэна, очевидно, этот чувак опять понтуетя.

А тут Чжао Вэнь замер:

— Китайский?

— Едрить твою коромысло! Я перепутал! — с плачущим лицом сказал Чжао Вэнь. — Я думал, английский!

Цзян Иньюй от его слов поперхнулся семечкой и долго кашлял.

В это время учитель велел всем быстро вернуться на места и не разговаривать.

Ань Шэн отправил Чжао Вэня назад, пообещав скинуть ему ответы, и только тогда успокоил его.

Поскольку У Чжэ сидел спереди, учитель попросил его тоже помочь раздать листы, но вдруг увидел, как ученик сзади повернулся с чем-то в руках, и окликнул его:

— Эй, ты, сзади! Ты что делаешь! Что у тебя в руках, а?! Экзамен еще не начался, а дисциплины никакой! Из какого класса? Как зовут?

Учитель велел У Чжэ сначала раздавать листы, нахмурившись глядя на повернувшегося ученика:

— Иди сюда.

— Учитель, я просто шелуху выбрасываю... — Цзян Иньюй подошел к учительскому столу, держа в руках шелуху от семечек.

Как только он это сказал, ученики расхохотались, а ему пришлось снова рассказывать учителю его сбивающее с толку имя.

Учитель потерял лицо, пришлось прорычать пару раз для вида:

— Экзамен на носу, а ты находишь время семечки щелкать! Ты совсем экзамена не уважаешь! Быстро выброси и назад.

Когда Цзян Иньюй выбросил шелуху, он даже не поленился вытереть руки, от чего ученики снова разразились хохотом.

Экзамен наконец начался, Цзян Иньюй сначала пробежался глазами по всем вопросам, звук перелистывания бумаги почему-то резко разнесся по тишине.

...

Цзян Иньюй игнорировал смотрящие на него глаза, и, уяснив задачу, взял ручку и начал писать.

Опять настало время писать сочинение, Цзян Иньюй почесал голову.

Плевать, напишу что-нибудь, хоть что, главное — чтобы не улетело за пределы Солнечной системы.

Утренний экзамен закончился именно так, Чжао Вэнь с видом потерпевшего крах привалился к Ань Шэну, глаза безбожно светились.

— Я погиб, я заполнил только одну строчку в стихах, — говорил Чжао Вэнь на ходу. — Ань,

почерк у тебя слишком мелкий, я чуть бумагу насквозь не протер взглядом.

Вот-вот катаракту заработал бы.

<http://bllate.org/book/16784/1543618>